

ФИЛОСОФИЯ ПРИЧИННОСТИ ГАБРИЭЛЯ МАРСЕЛЯ*В.П. ВИЗГИН*

Причинность никогда не была для Марселя такой темой, к которой влечет философа спонтанность его мысли. Причинность — одна из центральных категорий ориентированной на науку философии, кодификатором которой в античном мире был Аристотель. От него она переключалась в схоластику, в учение св. Фомы и в философию Нового времени, тесно связанную с естествознанием. Но ни томизм, ни философские проблемы естествознания не привлекали исследовательского интереса Марселя. Космоцентрическая ориентация мысли с повышенным вниманием к естественнонаучному познанию никогда не была ему близка. А в томизме его оттолкнуло, по его свидетельству, «непонимание современной мысли, начиная с Канта¹. Правда, с годами отношение к томизму у него несколько смягчается, что сопровождается и пробуждением большего интереса к Аристотелю. Но в преклонные годы пик творческой активности был им уже пройден, и его интерес питали скорее гуманитарно-нравственные проблемы, чем вопросы детерминизма природного универсума.

Однако в теолого-метафизическом модусе вопрошания о причинности, сформулированном составителем сборника «О богопознании»² отцом Жаном-Мари Ле Блоном, Марсель нашел свой аспект понимания этой категории. Небольшая статья «Бог и причинность», написанная им для данного сборника, раскрывает духовно-нравственные, экзистенциальные и метафизические моменты, связанные с темой причинности, ракурс для анализа которой был задан Ле Блоном, замечательным исследователем античной мысли и, главным образом, Аристотеля. О нем следует здесь сказать несколько слов. Это прежде всего будут слова благодарности за его чудесную книгу об аристотелевской науке. Исследуя более тридцати лет назад апории качества в аристотелевской мысли, я познакомился с упомянутой книгой³. Своей глубиной, силой мысли и ясностью изложения она захватила меня. В те годы мною прочитывалась масса литературы об аристотелевской философии и ее отдельных разделах. И вот после стольких лет в памяти осталось: лучшей книгой по логике предметного исследования у Аристотеля и по его научному методу является книга отца Ле Блона, подобно тому, как по онтологии Стагирита — книга Пьера Обанка⁴. Ле Блон предпослал указанному сборнику краткое предисловие, которое мы также приводим. Оно задает общую богословско-философскую тональность размышлений о причинности, намечает их особый ракурс. Именно в намеченном

Ле Блоном пространстве поисков Марсель и развивает свои рассуждения.

Из сказанного уже должно быть ясно, что никакой другой специально посвященной анализу причинности работы у французского философа нет. Во всяком случае, мы таковой не обнаружили. Однако, изучая его творчество, находишь нечасто разбросанные по нему отдельные высказывания по данной теме. Из их анализа становится ясным, что в мире марселевского философствования причинность входит в кластер концептов, образующих полюс объективации, противостоящий экзистенциальному полюсу. Следует даже усилить эту мысль, подчеркнув, что среди разнообразных средств объективации реальности причинное рассмотрение явлений занимает одно из центральных мест. Когда понятие причины в своем функционировании переходит внутренние пределы своей релевантности, Марсель выступает его критиком. Неумеренное и, более того, неуместное применение этого понятия, ведущее к искажению картины реальности, вызывает его протест. Подобное злоупотребление детерминистическим взглядом на мир человека он называет «причиноманией», «наваждением поиска причин» (*hantise causale*).

Каковы же условия приемлемой для Марселя тематизации категории причинности? Он ясно обозначает их в самом начале своей статьи – лишь в свете понятия коммуникации «я» и «ты» (включая абсолютного «Ты»), углубленного понятием щедрой избыточности, или великодушия (*la générosité*), можно раскрыть метафизический смысл категории причинности, начав ее продуктивное продумывание на действительно онтологическом уровне, или, можно сказать, на онтологическом уровне высшей степени. Механистическая концепция причинности до такого уровня не добирается. Современные мыслители в своей массе, за редкими исключениями, заражены метафизикофобией. Все они, как черт ладана, боятся впасть в «метафизику». Вслед за Ницше и Хайдеггером выступил целый легион модных в конце XX в. «постмодернистов» с той же негативной установкой по отношению к европейской метафизике. Считается, что они «раскусили» ее как миф, мираж и фантом. А вот Марсель не пошел на поводу у этой начатой позитивистами (если не принимать во внимание их предшественников) моды. Как и упрямый норвежец, он был склонен считать, что большинство ошибается⁵. Вместе с Бергсоном, своим учителем в философии, он поплыл против разбушевавшейся антиметафизической волны. Но как он *поплыл*, почему он в ней не утонул? Да потому, что стал набрасывать контуры *новой* метафизики, *новой* онтологии, очерчивая, однако, и ее позитивную связь со старой – с платоновской – продемонстрировав тем самым неизжитый творческий

ресурс классической европейской философской традиции. Революционность с ее «сбрасыванием с корабля современности» мыслителей прошлого ему претила своей фальшивостью, слишком явной. Поэтому его преобразование мысли было «мягким», но именно поэтому оно в конце концов оказалось и более жизнеспособным, ибо явилось позитивным и светлым, устремленным к высшим добротным смыслам. Пусть это пока еще мало кем осознается, но ласточка затаившейся весны уже прилетела.

Итак, введение в поле мысли понятия великодушной преизбыточной *щедрости* переводит весь анализ категории причинности с рельс научно ориентированного понимания (по сути дела неспособного увести мысль от механистической картины мира) в поле ее экзистенциального прояснения. Мы не будем пересказывать ход рассуждения французского философа — читатель познакомится с ним сам. Статья Марселя удачно, на наш взгляд, вводит нас в открытое пространство мысли христианского экзистенциализма. В развертывании мысли Марселя в связи с вопросом о причинности — столь, можно сказать, нетипичным для него — и состоит прежде всего ее значение. Мы видим, как практически любой, самый поначалу, казалось бы, «неинтересный» для мыслителя «предмет» может все же быть им освоен, если его поместить в сеть определенных условий, осветив его тем самым особым светом.

Для перевода нами была использована последняя публикация этой статьи в бюллетене ассоциации «Присутствие Габриэля Марселя»: *Marcel G. Dieu et la causalite // Bulletin de l'association «Presence de Gabriel Marcel»*. 2008. № 18. — Р. 9 — 18. Перевод вступительной статьи Ж.-М. Ле Блона сделан по тому же изданию (Р. 7 — 8).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Gabriel Marcel — Gaston Fessard. Correspondance (1934 — 1971)*. — Paris, 1985. — P. 71.

² См.: *De la connaissance de Dieu / Sous la direction du P. J.-M. Le Blond*. Éd. Desclée de Brouwer, 1958 («Desclée de Brouwer — известное франко-бельгийское католическое издательство»).

³ См.: *Le Blond J.-M. Logique et méthode chez Aristote: Étude sur la recherche des principes dans la physique aristotelicienne*. — Paris, 1939; 2 éd.: 1970. Ле Блон первый систематически исследовал основные деятельностные схемы аристотелевской мысли (см. об этом: *Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля*. — М., 1982. — С. 371 — 372).

⁴ См.: *Aubenque P. Problème de l'être chez Aristote*. — Paris, 1962.

⁵ «Большинство всегда ошибается» (Г. Ибсен).